

## **ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ**

Понятие “глобализация” толкуется и оценивается по-разному. Для одних – это неизбежный и объективный процесс, закономерный результат развития и естественной экспансии мировой экономики, вызванный ростом ее производительности и совершенствованием международного разделения труда. Этот процесс имеет и политические последствия: утверждение доминирования тех, кто задает тон процессу глобализации, направляет его и руководит им. Но существует и другая точка зрения, согласно которой глобализация – это прикрытие беззастенчивого ограбления более отсталых и слаборазвитых стран мощными грандами мирового капитализма, прежде всего США и связанными с ними транснациональными корпорациями.

За последнее время появилось много других трактовок глобализации. Нас интересуют прежде всего те, что связаны с Востоком. Почти все они делают упор на то обстоятельство, что глобализация, хоть и является процессом прежде всего экономическим, вместе с тем, по верному наблюдению Н.Н. Цветковой, “влияет на различные стороны жизни общества” и “затрагивает культуру принимающих обществ”<sup>1</sup>, что особенно болезненно для стран Азии и Африки, длительное время борющихся за возрождение и утверждение своей социокультурной идентичности. “Свойственные глобализации черты (рационализм, приоритет рынка, рыночной экономики, основанной на стремлении к максимальной прибыли, индивидуализм в противоположность коллективизму, сложившейся системе социальных связей и императивов) входят в противоречие с системой ценностей восточных цивилизаций”<sup>2</sup>.

Если в ареалах Японии, Китая, Индии, всей Юго-Восточной Азии, заимствование элементов западной культуры и технологии реализуется гибко, с наименьшими опасениями утратить национально-цивилизационное своеобразие, то в мире ислама это вызывает резкий и массовый протест “как вестернизация, как насильственная американизация”, провоцирующая “реакцию отторжения”.

По мнению французского исламоведа Ф. Бюрга, организация “Аль-Каида” является воплощением “транснационализации исламского сопротивления глобализации, учрежденного Америкой порядка”<sup>3</sup>. Для директора Центра русских исследований Московского гуманитарного университета А.И. Фурсова “без и вне феномена глобализации нынешний исламский радикализм трудно себе представить”<sup>4</sup>. Как бы называя причину этого, главный идеолог “Аль-Каиды” Айман аз-Завахири в 2005 г. говорил о “крупномасштабной кампании Запада против исламского мира под руководством США в союзе с мировым сионизмом”<sup>5</sup>.

---

*Ланда Роберт Григорьевич* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

<sup>1</sup> *Цветкова Н.Н.* Ближний Восток: глобализация и прямые иностранные инвестиции. – Ближний Восток: вызовы XXI века. М., 2009, с. 135.

<sup>2</sup> Там же, с. 136–138.

<sup>3</sup> *Burgat F.* Al-Qa’ida or the transnationalization of an “Islamic” resistance to the globalization of the maintenance of an “American” order – Arabia Vitalis. – Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М., 2005, с. 64.

<sup>4</sup> *Фурсов А.И.* Центральная Азия на пути к футуроархаизму? – Россия – Центральная Азия – радикальный ислам. М., 2009, с. 176.

<sup>5</sup> *Наумкин В.В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. М., 2008, с. 567.

Нынешняя, еще в первой половине XX в. не существовавшая, политизация ислама породила новое явление, суть которого, по определению французского исламовед М. Родинсона, в “совокупности глубоких перемен, сотворивших историю мусульманского мира”; в том числе – и в XX в., во второй половине которого возникло понятие “политический ислам”, как и его синоним – “исламизм”<sup>6</sup>.

Политизацию ислама в современной литературе принято чуть ли не напрямую связывать с глобализацией. Некоторые авторы в этой связи даже считают, что глобализация превращается “из в основном экономического процесса в процесс политический”, что и привело к тому, что “ялтинский мир”, существовавший в 1945–1991 гг., сменился “однополярным миром”, лидером которого стали США, так как от них “исходили наиболее сильные импульсы глобализации на первых ее этапах”<sup>7</sup>.

Российский исламовед К.М. Труевцев считает, что после 2006 г. наступил этап “многополярности”, выдвинувший в качестве глобальных центров, “наряду с США, Евросоюз, Китай, Индию, Японию, Россию и Бразилию”. Причем “В качестве восьмого полюса этой многополярной конфигурации нередко можно встретить и упоминание исламского мира”. Далее им излагается концепция взаимодействия перемен в мире ислама с процессами глобализации, рассматриваются самые разные – экономические, политические, военные, идеологические, организационные, финансовые, интеллектуальные – аспекты этого взаимодействия. Автор приходит к выводу о том, что “именно исламистские организации и прямо или косвенно связанные с ними хозяйственные, социальные и политические структуры оказались в наибольшей степени адаптироваться к процессу глобализации и использовать многие его реалии в своих интересах”<sup>8</sup>.

Со всем этим можно согласиться, но с серьезной оговоркой: отношения глобализации и исламизма, или политического ислама, гораздо сложнее, многообразнее и, собственно говоря, представляют собой лишь часть сложного комплекса противоречий, контактов, взаимосвязей, определяющих противостояние и одновременно взаимопритяжение Востока и Запада. Исламисты действительно сумели адаптироваться (хотя и не в “наибольшей степени”) к процессу глобализации и использовать многие его реалии в своих интересах. Но это – не более чем учеба у противника, каковая имеет место во всех войнах. Потому что, как это ни печально, но в мире давно идет необъявленная война. Запад и вообще цивилизованный мир делают вид, что этой войны нет. Однако, она – реальность, с которой вынуждены считаться все ее участники, да и вообще все живущие на земном шаре. Ибо никто не знает, когда и где произойдет очередное сражение, между кем и кем и по какому поводу. Эта война – тайная, но периодически вырывающаяся наружу кровавой явью терактов, взрывов, покушений, внешне немотивированных нападений, якобы случайных (а на деле – четко целенаправленных) убийств. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание только на события последних лет: взрывы в Нью-Йорке, Лондоне, Мадриде, Москве, события в Дагестане, Ингушетии, и вообще на Северном Кавказе, широкомасштабные военные операции в Ираке и Афганистане, периодически возобновляющиеся столкновения армии Израиля с палестинцами Газы и шиитами Ливана, незатухающий мятеж исламистов в Алжире, с 2007 г. открыто поддерживаемый террористами Аль-Каиды, провоцирующими нестабильность везде, где только возможно. Юридически войны никто не объявлял. А в действительности?<sup>9</sup>

Почему дело дошло до войны, да еще такой войны? И каким образом она связана с глобализацией? Ответ на этот вопрос следует искать в понимании элитой Запада

---

<sup>6</sup> Ланда П.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005, с. 40–46; Rodinson M. La fascination de l’Islam. Paris, 1989, p. 120–121; Rodinson M. L’Islam : politique et croyance. Paris, 1995, p. 25.

<sup>7</sup> Труевцев К.М. Глобализация и исламский мир: проблемы адаптации – Россия и исламский мир, М., 2010, с. 245–246.

<sup>8</sup> Там же, с. 253.

<sup>9</sup> Новая газета, 03.III.2010; ISIM Review, 2006, № 17, p. 16–39.

глобализации как простого распространения на Восток западной модели развития, как “вестернизации” не только восточной экономики, но и восточного общества во всех его проявлениях, ибо глобализация – это “мировое интегрирующее развитие”, основанное на приобщении слаборазвитых стран к своего рода “интернациональной” высокотехнологичной цивилизации, созданной людьми Запада<sup>10</sup>.

Более того, после краха СССР и мировой социалистической системы “интегрирующее развитие”, навязываемое Востоку Западом, стало восприниматься еще и как диктат единственной сверхдержавы – США, уже не раз показавшей нежелание считаться с национальными правами и суверенитетом того или иного народа или государства, осмелившегося перечить планам или даже намерениям американцев<sup>11</sup>. Достаточно вспомнить в этой связи агрессию против Югославии, оккупацию Афганистана и Ирака (ранее – вторжения в Ливан и Сомали), постоянные угрозы в адрес Ирана, Сирии, народа Палестины, удары по Йемену и Судану. Эти и другие акции США (например, ввод войск в Саудовскую Аравию во время войны 1990–1991 гг. в Персидском заливе) вызывают острое неприятие в арабском мире и соответствующую реакцию во всех странах ислама.

Особо стоит вопрос о поддержке, получаемой от США Израилем и существенным образом содействовавшей победам израильтян в войнах с арабами в 1948–1949 гг., 1956 г., 1967 г., 1973 г. и 1982 г. Неуступчивая позиция Израиля по разным аспектам ближневосточного урегулирования также во многом (хотя и не во всем) объясняется общей с США политикой давления на арабские государства с целью их разъединения и ослабления их сопротивления неоколониальным планам консервации статус-кво, сложившегося после июня 1967 г. Стержнем ближневосточного урегулирования остается палестинская проблема, существующая почти 100 лет. Палестинцы, после бесплодных усилий в 20–40-е годы XX в. превратившиеся в большинстве своем в апатридов, пережили как народ в 50–70-е годы заметную социокультурную и политическую эволюцию. В 1970 г. Комиссия ООН по социальному развитию сочла, что “палестинские беженцы и перемещенные лица” в блоке с интеллигенцией, вышедшей из их среды (в лагерях ООН они обучались в 452 школах и 10 профессионально-учебных центрах), стали силой, “которая постепенно начинает влиять на существующую структуру власти в арабских странах региона”<sup>12</sup>. Нерешенность палестинской проблемы периодически влияла и на настроения правящих элит различных государств ислама, в частности, Пакистана, Ирана, Малайзии.

Учитывая значение традиций на Востоке вообще и на мусульманском Востоке в частности, следует отметить важность не только современных факторов, но и исторических корней исламизма, которые и на Западе, и в России часто недооцениваются. Роль ислама на Ближнем востоке, в Африке или Южной и Юго-Восточной Азии далеко не одинакова. Однако исламские страны имеют общую историю. Цивилизация ислама, привнесенная арабскими завоевателями, впервые столкнулась с христианской цивилизацией Запада около 1400 лет назад в бассейне Средиземноморья, а более конкретно – на Ближнем Востоке, в Северной Африке и южной Европе. В VII–IX вв. мусульмане в этом противоборстве завоевали громадную территорию от Франции до Китая, но с X в. стали утрачивать свои владения в Европе., а с XI в. – и на Ближнем Востоке в результате

---

<sup>10</sup> Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002, с. 50; Ланда Р.Г. Социология современного Востока. М., 2008, с. 398–399.

<sup>11</sup> США не только своими действиями дают повод трактовать их политику как неоколониалистскую. Заявления американских политологов и идеологов неоконсервативного направления, влиятельных в годы президентства Дж. Буша (2001–2008 гг.), не оставляли сомнений на этот счет. Достаточно вспомнить имена Р. Пёрла, Д. Фейта и Ч. Краутхаммера, заявившего в 2004 г., что США создали “самую большую империю в мировой истории”. Это открытое саморазоблачение теоретиков современного “неоимпериализма” положило конец спорам по поводу того, чем же является глобализация в понимании элиты США. – *Наумкин В.В.* Указ. соч., с. 569–576.

<sup>12</sup> Документ ООН, E/c№ 5/456, Add.4.IX.1970, с. 5, 27.

крестовых походов. В Средние века была заложена традиция не только кровопролитных сражений, захватов и потерь, но и учебы друг у друга, взаимообмена техническими и культурными достижениями, взаимообогащения науки, производства, искусства, архитектуры и литературы христиан и мусульман. При этом до XIII–XV вв. именно Европа училась у мира ислама, а арабский язык – “латынь Востока” – был языком не только восточной, но и мировой науки и культуры. Уже в то время, несмотря на религиозную вражду и бесконечные войны, обилие экономических, социальных, духовных, политических и прочих связей создавало нечто вроде мини-глобализации межконтинентального пространства, которое академик Н.И. Конрад назвал “евро-афро-азиатским центром исторической жизни” или “кругом земель”<sup>13</sup>.

Ситуация изменилась не столько даже после наступления в Европе эпохи Возрождения (во многом навеянной влиянием Востока и творческой переработкой всего от него полученного), сколько после великих географических открытий XV–XVI вв., положивших начало эре внешней экспансии Европы и втянувших в указанный Н.И. Конрадом “центр исторической жизни” земли Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока и Тропической Африки. Началась эпоха европейского колониализма, на первых порах, в его испано-португальском варианте, беспощадного, сопровождавшегося религиозным фанатизмом, обращением в рабство и геноцидом народов. Хотя культурно-историческое лидерство перешло к Западу, военно-политическое противостояние Европы с миром ислама только обострилось. Турки-османы сокрушили в 1453 г. Византию и завоевали юго-восток Европы, доходя до Кракова и Вены. Но в 1492 г. короли Испании захватили Гранаду – последний форпост ислама на Иберийском полуострове. Последовавшая за этим борьба Испании и Османской империи за гегемонию на Средиземном море продолжалась почти два столетия. Она сопровождалась взлетом корсарства, существовавшего в регионе издавна, но именно в XV–XVII вв. достигшего апогея. Больше в нем преуспели мусульмане, но их соперники из Генуи, Палермо, Барселоны, как и рыцари Мальтийского ордена (несколько позже – английские пираты, поддерживаемые британской короной) ни в чем им не уступали<sup>14</sup>.

Колониальная эпоха “рассорила” с Западом весь Восток. На отношения Запада с мусульманами она наложила особый отпечаток. Мир ислама бедствия колониализма воспринимал и воспринимает сейчас сквозь призму тысячелетней традиции войн, политической и религиозной борьбы, болезненной ностальгии по когда-то одержанным победам и блеску мусульманских империй Дамаска, Багдада, Кордовы, Каира и Стамбула. Жажда мести за многочисленные поражения, утраченные территории, за унижения и оскорбления со стороны колонизаторов копилась веками. Дольше других обитателей Востока встречаясь и сражаясь с христианами Запада, мусульмане и претензий к ним предъявляют больше, нежели буддисты, индуисты и конфуцианцы. Отсюда – сложившаяся еще на заре колониальных времен в мире ислама традиция упорного сопротивления всем проявлениям экспансии Европы, последовательного неприятия всего “западного”, непримиримого отстаивания своей этноконфессиональной идентичности, трепетного отношения к религии и всему, что с ней связано, а также – к охране духовного и культурного наследия прошлого.

Из последователей разных религий Востока лишь мусульмане пытались объединиться для отпора Западу. В середине XIX в. возник панисламизм, стремившийся сплотить всех мусульман на антиколониальной основе. Его главным идеологом стал теолог Джамаль ад-Дин аль-Афгани, выступавший за единство всех мусульман под эгидой османского султана как халифа правоверных. Он отвергал национализм, заявляя: “Мусульмане не знают иной истинной национальности, кроме своей религии”<sup>15</sup>. При

<sup>13</sup> Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966, с. 478.

<sup>14</sup> Архенгольц Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М., 1991, с. 10–300; Fisher G. Barbary, Legend, war, trade and piracy in North Africa (1415–1830). Oxford, 1957; Monlaü J. Les Etats Barbaresques. Paris, 1973, p. 26–75.

<sup>15</sup> Kerr M.H. Islamic Reform. The Political and Legal Theories of Muhammad Abduh and Rashid Rida. Berkley – Los Angeles, 1966, p. 138.

его содействии и под его влиянием в странах ислама стали возникать партии, общества и тайные организации, стоявшие на позициях панисламизма<sup>16</sup>.

Однако панисламистам не удалось добиться своей цели, в основном ввиду краха Османской империи, их поддерживавшей. Во всех странах ислама восторжествовал осуждавшийся панисламистами национализм, который стал как бы второй волной подъема мира ислама. При этом ни националисты, ни даже их левое крыло, склонявшееся после Второй мировой войны к ориентации на идеи социализма, никогда от ислама не отрекались и в чем-то оставались последователями Джамала ад-Дина аль-Афгани, который противопоставлял “социализм ислама” европейскому социализму. “Мы, – говорил уже в наши дни лидер ливийской революции М. Каддафи, – социалисты в рамках, определенных Кораном... Но прежде всего мы – мусульмане”<sup>17</sup>.

Националисты, почти повсеместно добившиеся независимости своих стран, столкнулись с обилием экономических, социальных, политических и иных проблем, решить которые они были не в силах ввиду общей отсталости их стран, предопределявшей отсутствие у них необходимых капиталов, подготовленных квалифицированных кадров и новейших технологий. Все это было в распоряжении развитых стран Запада, которые и постарались максимально воспользоваться этими преимуществами при определении своих отношений с недавно освободившимися молодыми государствами, в частности исламскими, которые на деле опять оказались в той или иной степени зависимыми от Запада.

Разумеется, эта новая ситуация никак не устраивала мусульман – от Сенегала и Марокко до Индонезии и Филиппин. К тому же, мир ислама после Второй мировой войны пытался преодолеть трудности хозяйственного и социополитического толка привычным путем “закручивания гаек”, то есть установления военных, полицейско-бюрократических и вообще авторитарных режимов. Их опора – чиновничество, армия, буржуазия, нередко сливавшиеся воедино и на протяжении десятков лет присваивавшая 30–40% национального дохода. В странах с монархическим строем (шахском Иране, арабских королевствах и эмиратах, султанатах Юго-Восточной Азии и других) образовалась особая синкретическая социальная общность “феодално-бюрократический капитал” (ФБК). Сочетая контроль над экономикой и властью, используя все (в том числе – внеэкономические) методы эксплуатации и преимущества знатного происхождения, ФБК правит абсолютно. Это – обычно несколько сот высших бюрократов, богатейших бизнесменов, элита армии и духовенства, принадлежащие к одним и тем же аристократическим кланам и семьям, чей авторитет освящен обычаем и традицией, на деле “претендуя быть неограниченной личной властью”<sup>18</sup>.

Этим численно ничтожным властителям-богачам (как ФБК, так и прочим – военным, гражданским, компрадорским – фракциям бюрократической буржуазии) противостоят постоянно растущие неимущие социальные низы города и деревни, составляющие во многих странах ислама до 40%, а кое-где до 50–60% населения. Их общественная маргинализация – результат свехурбанизации, частых стихийных бедствий, засилья персональных диктатур, чудовищной коррупции – основной базы перерастания бюрократии в бюрократическую или паразитическую буржуазию. Это также результат свехобогащения всех причастных к власти, ибо на Востоке по-прежнему не столько богатство рождает власть, сколько власть рождает богатство. Прямое следствие этого – перманентная социальная свехнапряженность, обостряющаяся до предела в условиях общего повышения грамотности (следовательно, также, пусть и относительного, уровня социального и гражданского самосознания), уменьшения различий в уров-

---

<sup>16</sup> Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). М., 1982, с. 119.

<sup>17</sup> *El-Ghathafi M.* The Broadlines on the Third Theory. Tripoli, 1972, p. 55.

<sup>18</sup> Социальный облик Востока. М., 1999, с. 251–255. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. London, 1947, p. 37.

не культуры мужчин и женщин, определенного прогресса в развитии средств массовой информации. Иногда – это следствие модернизации, обычно проводимой с помощью Запада, но чаще всего оборачивающейся против него<sup>19</sup>.

Мусульмане наших дней воспринимают современный неоколониализм Запада как продолжение его экспансии на Восток со времен крестовых походов, как вмешательство в их духовную жизнь и повседневный быт, как посягательство на их самобытность и основы их религии, которая давно определяет поведение, образ жизни, нравы, правила общения и в целом мировоззрение. Внедряемая глобализацией “вестернизация” подрывает монополию ислама в духовной жизни мусульманского социума, ведет к болезненной ломке его структур и установок. В глазах мусульман она – непосредственная причина быстрого обнищания горожан, наплыва в города сельских маргиналов, половина которых (а то и больше) остаются безработными, что превращает города мира ислама в социальный пороховой погреб. В городах наблюдается невиданный ранее рост политического и прочего, в частности криминального, насилия, в том числе и в ранее благополучных государствах<sup>20</sup>.

Отсюда – возникновение в мире ислама “конфронтационного и агрессивного” исламо-экстремизма, который, по мнению датского исламоведа Й. Нильсена, представляет “незначительное меньшинство” по сравнению с “преобладающим большинством мусульман, не привлекающим внимание прессы”, но все же стал фактором международной жизни. Прежде всего, он заметен там, где, по словам арабского политолога Х.А. Джавада, “мусульмане не имеют законных средств для выражения своего недовольства экономической политикой и дипломатией Запада, воспринятой их деспотическими правительствами”<sup>21</sup>.

Это напоминает нам о том, что в исламе считается справедливой и обоснованной с религиозной точки зрения борьба против стоящих у власти “плохих мусульман”, нарушающих предписания Корана и шариата, тем более – прислуживающих “неверным”. При всем стремлении мусульманского социума к стабильности (понятие “революция” в исламе впервые ввел в 1941 г. Абу Ала Маудуди, а узаконил Хомейни в 1970-е годы), о “плохих мусульманах” почти всегда вспоминали во время политических конфликтов или антиколониальных восстаний.

Социальная почва для выступлений такого рода на стыке XX–XXI вв. как никогда созрела. Готовые поддержать их маргиналы – это более трети всех мусульман от Марокко до Бангладеш. В Пакистане в начале 1980-х годов к их числу относились примерно 75% горожан, в городах Ирана – около 1,5 млн. чел., в Ливане – приблизительно 35% экономически активных жителей, в Тунисе – 17% населения, в Алжире – 22%, в Марокко – 20%, в Египте только в столице – до 56% жителей. Точно неизвестна (но достаточно высока: не менее трети) доля неимущих в современных Ираке, Палестине, Афганистане<sup>22</sup>. Все эти обездоленные люди искали причины своего бедственного положения и находили их у идеологов исламского фундаментализма, впервые сформулированного в 1928 г. Ассоциацией братьев-мусульман Египта. Ее основной принцип – создание подлинно исламского государства, конституцией которого будет Коран. По мнению сторонников этой концепции, только в таком государстве могут быть решены все проблемы, которые не смогли решить их предшественники. Естественно, эта простая идея быстро овладела широкими массами нищих, неимущих и не очень бедных людей в мире ислама. Этому благоприятствовали еще два фактора, которые тоже можно связать с глобализацией.

<sup>19</sup> Социальный облик Востока, с. 262, 365.

<sup>20</sup> Филоник А.О., Вавилов А.И. Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004, с. 194–199; Известия, 31.V.2004; The Middle East viewed from the North. Bergen, 1992, p. 73–84.

<sup>21</sup> Arabs and the West. Amman, 1999, p. 29.

<sup>22</sup> Ближний Восток и современность. М., 2002, № 14, с. 193; там же, 2003, № 18, с. 161–193; Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004, с. 154–164; The Palestine Question. New York, 1980, p. 16 ; Intifada : Facts and Figures. Tunis, 1989, p. 10–12.

Во-первых, спасаясь от голода, нищеты, других социальных бедствий, многие жители стран ислама эмигрировали на Запад, используя для этого разные возможности. В результате образовались громадные мусульманские диаспоры: около 5 млн. чел. в США к 2000 г. (неофициально – от 7 до 15 млн. чел.), 1,5 млн. чел. в Великобритании к 1997 г. (неофициально 4–5 млн. чел.), более 2 млн. чел. во Франции (на самом деле не менее 6–7 млн. чел.). В 2000 г. в Германии было 3 млн. 400 тыс. мусульман, т.е. 3,7% населения страны, в Бельгии – 250 тыс. мусульман, в Нидерландах – до 670 тыс. мусульман (4,3% всего населения)<sup>23</sup>. Мусульмане быстро ознакомились с формами организации и управления на Западе, деятельностью партий и профсоюзов, выборных муниципалитетов и различных ассоциаций, СМИ, особенно – во время избирательных кампаний, забастовок, манифестаций и митингов. Этот опыт передавался на родину и использовался для социальной деятельности на Западе. Следует подчеркнуть, что хотя мусульмане на Западе живут лучше и зарабатывают больше, чем у себя на родине, они обычно (хотя есть и исключения, например среди алжирцев и вообще магрибинцев во Франции) сохраняют антизападные настроения, так как “демонстрационный эффект” западного процветания воспринимается значительной их частью негативно.

Во-вторых, фактором, стимулировавшим развитие политического ислама, стала позиция “категорий, возникших вследствие модернизации мусульманских обществ”, то есть тех групп интеллигенции, служащих, средних слоев, студенчества, которые решили сделать ислам знаменем своих политических и социальных требований<sup>24</sup>. Вопрос об искренности их религиозных убеждений в данном случае не стоит. Ислам для этих групп – прежде всего политическое оружие, не столько мировоззрение, сколько воплощение этноконфессиональной идентичности, духовной связи с единоверцами-соотечественниками, верности народным традициям и антизападному патриотизму, характерному даже для тех, кто учился на Западе. В эпоху глобализации все это приобретает особое значение, не давая отсечь национальных интеллектуалов от народной почвы.

Помимо укрепления своих позиций и влияния, интеллектуалы выражают недовольство прозападным курсом большинства мусульманских правительств, идущих (или вынужденных идти) в фарватере политики Запада. Не без влияния этих оппозиционеров исламисты ставят своей задачей “реисламизацию исламских обществ, впавших в невежество” (то есть отклонившихся от ислама. – *Р.Л.*). “Для исламистов, – пишет французский исламовед О. Руа, – главные виновники этого – нынешние лидеры мира ислама, проявившие слабость, позволившую Западу обосноваться на землях ислама”<sup>25</sup>.

Запад своими руками превратил мусульманский Восток в заповедник исламского экстремизма. Проблема здесь – не в террористах, которых не так уж много. Проблема – в “молчаливом большинстве” мусульман Востока, которое им сочувствует, думает так же и нередко помогает им. Вследствие этого у террористов, несмотря на большие потери в их рядах и военно-техническое превосходство тех, кто с ними борется, как правило, не возникает трудностей с вооружением и оснащением, с финансированием, базами и укрытиями, а также (что важнее всего) – с привлечением новых кадров. В такой обстановке даже высокообразованный и по-современному мыслящий мусульманский интеллектуал будет думать не об отстаивании ценностей свободы и демократии, весьма абстрактных в условиях Востока, а о том, как ему вписаться в контекст настроений, доминирующих среди единоверцев-соотечественников. При этом проблемой для него является “не отказ от модернизации, а исламизация этой модернизации”<sup>26</sup>.

Последнее обстоятельство оптимально проясняет суть взаимоотношений политического ислама с глобализацией. По нашему мнению, перемены в мире ислама не связаны напрямую с глобализацией, а идут параллельно и одновременно с ней. Мир ислама и

<sup>23</sup> Независимая газета. 29.IX.2001.

<sup>24</sup> *Charnay J.-P.* Sociologie religieuse de l'Islam. Paris, 1994, p. 339; *Roy O.* Généalogie de l'islamisme. Paris, 1995, p. 61–63.

<sup>25</sup> *Roy O.* Op.cit., p. 81.

<sup>26</sup> *Ibid.*, p. 62–65; *Islam, Muslims and Modern State.* London, 1996, p. 285.

раньше реагировал на внешние вызовы, в том числе – действовавшие в средневековом “евро-афро-азиатском центре исторической жизни” Н.И. Конрада. Но для ислама всегда важнее были внутренние процессы и факторы развития: мир ислама, громадный и консервативный, плохо поддавался внешним попыткам изменить его, тем более насильно.

Но именно на это, судя по всему, рассчитывают те, кто возлагает утопические надежды на глобализацию. Глобализация – действительно всемирный и мощный процесс. Но он по-настоящему эффективен лишь в условиях если не полного господства, то хотя бы доминирования рыночной экономики, силы и влияния тесно связанных с ней общественных классов и социальных слоев, превалирования соответствующих идеологий, стереотипов сознания и уровня культуры. Но на Востоке этого нет. Вернее, там есть элементы и даже целые регионы рыночного хозяйства, но они тысячами нитей связаны с морем докапиталистических мелких производителей, действующих в рамках натурально-патриархальных, родоплеменных и прочих общинных отношений, а также – отношений феодальной, полуфеодальной и иной исторически сложившейся зависимости. Кроме того, значительная (до 40%) доля маргиналов, как правило, цепляющихся за традиционные социальные связи и ценности, усиливает лагерь “антирыночников” или, по крайней мере, ненавистников обездолившего их капитализма, из системы социальных связей которого они выпали (а многие и не входили в нее).

Поэтому на Востоке не политический ислам адаптируется к глобализации, а, скорее, глобализация отвоевывает у него еще не контролируемые им местности и группы населения. Более того, учитывая наличие многомиллионных мусульманских диаспор на Западе и десятки тысяч бывших христиан и приверженцев иных религий, принявших ислам<sup>27</sup>, сейчас можно говорить о том, что глобализации западной цивилизации в наши дни противостоит более скрытая, но вполне реальная глобализация исламизма. Конечно, на стороне первой – экономическая и финансовая мощь, новейшие технологии, военно-силовое превосходство (пока) и другие факторы. Но на стороне второй – умелое наращивание тех же преимуществ и все более эффективное использование объективных слабостей и изъянов Запада. Западная цивилизация может привлечь на свою сторону главным образом сытых и благополучных людей Востока, политический ислам – всех неблагополучных, неприкаянных, нуждающихся в социальной справедливости и готовых сражаться за нее. А таких на Востоке – большинство. Сомкнувшись со значительной частью интеллектуальной элиты и получив поддержку определенных фракций имущих слоев, исламисты имеют шансы на успех, если только военно-политическая борьба с ними не будет сопровождаться реальными и радикальными переменами в экономике, культуре, социальном и политическом развитии мира ислама.

---

<sup>27</sup> Мусульмане на Западе. М., 2002, с. 15, 38, 42; Ланда Р.Г. Политический ислам, с. 259–260.